

О Гарине-Михайловском. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

О Гарине-Михайловском. Максим Горький

Изредка в мире нашем являются люди, которых я назвал бы весёлыми праведниками.

Я думаю, что родоначальником их следует признать не Христа, который, по свидетельству евангелий, был всё-таки немножко педантом; родоначальник весёлых праведников, вероятно, Франциск Ассизский: великий художник любви к жизни, он любил не для того, чтоб поучать любви, а потому что, обладая совершеннейшим искусством и счастьем восторженной любви, не мог не делиться этим счастьем с людьми.

Я говорю именно о счастье любви, а не о силе сострадания, заставившей Анри Дюнана создать международную организацию "Красного Креста" и создающей такие характеры, как прославленный доктор Гааз, практик-гуманист, живший в тяжёлую эпоху царя Николая Первого.

Но - жизнь такова, что чистому состраданию уже нет места в ней, и, кажется, в наше время оно существует только как маска стыда.

Весёлые праведники - люди не очень крупные. А может быть, они кажутся не крупными потому, что с точки зрения здравого смысла их плохо видно на тёмном фоне жестоких социальных отношений. Они существуют вопреки здравому смыслу, бытие этих людей совершенно ничем не оправдано, кроме их воли быть такими, каковы они есть.

Мне посчастливилось встретить человек шесть весёлых праведников; наиболее яркий из них - Яков Львович Тейтель, бывший судебный следователь в Самаре, некрещёный еврей.

Тот факт, что судебный следователь - еврей, служил для Якова Львовича источником бесчисленных невзгод, ибо христианское начальство смотрело на него как на пятно, затемняющее чистейший блеск судебного ведомства, и всячески старалось выбить его из позиции, которую он занял, кажется, ещё в "эпоху великих реформ". Тейтель - здравствует, о своей войне с министерством юстиции он сам рассказал в книге "Воспоминаний", изданной им. Да, он ещё благополучно здравствует, недавно праздновали его семидесятиили восьмидесятилетний юбилей. Но он следует примеру А.В.Пешехонова и В.А.Мякотина, которые - как я слышал - "не присчитывают, а отсчитывают" года своей жизни. Вполне солидный возраст Тейтеля нимало не мешает ему делать привычное дело, которому он посвятил всю свою жизнь: он всё так же неумоимо и весело любит людей и так же усердно помогает им жить, как делал это в Самаре, в 95-96 годах.

Там, в его квартире, еженедельно собирались все наиболее живые, интересные люди города, впрочем - не очень богатого такими людьми. У него бывали все, начиная с председателя окружного суда Анненкова, потомка декабриста, великого умника и "джентльмена", включая марксистов, сотрудников "Самарского вестника" и сотрудников враждебной "Вестнику" "Самарской газеты", - враждебной, кажется, не столь "идеологически", как по силе конкуренции. Бывали адвокаты-либералы и молодые люди неопределённого рода занятий, но очень преступных мыслей и намерений. Странно было встречать таких людей "вольными" гостями судебного следователя, тем более странно, что они отнюдь не скрывали ни мыслей, ни намерений своих.

Когда появлялся новый гость, хозяева не знакомили его со своими друзьями, и новичок никого не беспокоил, все были уверены, что плохой человек не придёт к Якову Тойтелю. Царила безграничная свобода слова. Тейтель сам был пламенным полемистом и, случалось, даже топал ногами на совопросника. Красный весь, седые, курчавые волосы яростно дыбятся, белые усы грозно ошетинились, даже пуговицы на мундире шевелятся. Но это никого не пугало, потому что прекрасные глаза Якова Львовича сияли весёлой и любовной улыбкой.

Самоотверженно гостеприимные хозяева Яков Львович и Екатерина Дмитриевна, супруга его, ставили на огромный стол огромное блюдо мяса, зажаренного с картофелем, публика насыщалась, пила пиво, а иногда густолиловое, должно быть, кавказское вино, обладавшее привкусом марганцево-кислого калия; на белом это

О Гарине-Михайловском. Максим Горький gorkiy.maxim.ru
вино оставляло несмываемые пятна, но на головы почти не действовало.

Покушав, гости начинали словесный бой. Впрочем, бои начинались и во время процесса насыщения.

У Тейтеля я и познакомился с Николаем Георгиевичем Михайловским-Гариним.

Подошёл ко мне человек в мундире инженера путей сообщения, заглянул в глаза и заговорил быстро, бесцеремонно:

- Это вы - Горький, да? Недурно пишете. А как Хламида - плохо. Это ведь тоже вы, Хламида?

Я сам знал, что Иегудиил Хламида пишет плохо, очень огорчился этим, и поэтому инженер не понравился мне. А он пиявил меня:

- Фельетонист вы слабый. Фельетонист должен быть немножко сатириком, а у вас этого нет. Юмор есть, но грубоватый, и владеете вы им неумело.

Очень неприятно, когда вот так наскочит на вас незнакомый человек и начнёт говорить правду в глаза вам. И - хоть бы ошибся в чём-нибудь, но не ошибается, всё верно.

Стоял он вплоть ко мне и говорил так быстро, как будто хотел сказать очень много и опасался, что не успеет. Он был ростом ниже меня, и я хорошо видел его тонкое лицо, украшенное холёной бородкой, красивый лоб под седоватыми волосами и удивительно молодые глаза; смотрели они не совсем понятно, как будто ласково, но в то же время вызывающе, задорно.

- Вам не нравится, как я говорю? - спросил он и, точно утверждая своё право говорить неприятности мне, назвал себя: - Я - Гарин. Читали что-нибудь?

Я читал в "Русской мысли" его скептические "Очерки современной деревни" и слышал о жизни автора среди крестьян несколько забавных анекдотов. Сурово встреченные народнической критикой, "Очерки" весьма понравились мне, а рассказы о Гарине рисовали его человеком "с фантазией".

- Очерки - не искусство, даже не беллетристика, - сказал он, явно думая о чём-то другом, - это было видно по рассеянному взгляду его юношеских глаз.

Я спросил: правда ли, что он однажды засеял сорок десятин маком?

- Почему же непременно - сорок? - как будто возмутился Николай Георгиевич и, прихмутив красивые брови, озабоченно пересчитал: - Сорок грехов долой, если убьёшь паука, сорок сороков церковей в Москве, сорок дней после родов женщину в церковь не пускают, сорокоуст, сороковой медведь самый опасный. Чорт знает, откуда эта сорочья болтовня? Как вы думаете?

Но, видимо ему было не очень интересно знать, как я думаю, потому что тотчас же, хлопнув меня по плечу маленькой, крепкой рукой, он сказал с восхищением:

- Но если б вы, батенька, видели этот мак, когда он зацвёл!

Затем Гарин, отскочив от меня, устремился в словесное побоище, разгоревшееся за столом.

Эта встреча не вызвала у меня симпатии к Н.Г., мне почудилось в нём нечто искусственное. Зачем это он исчислял с'ороки? И не скоро привык я к его барственной щеголеватости, к "демократизму", в котором мне сначала чудилось тоже что-то показное.

Был он строен, красив, двигался быстро, но изящно, чувствовалось, что эта быстрота не от нервной расшатанности, а от избытка энергии. Говорил как будто небрежно, но на самом деле очень ловко и своеобразно построенными фразами. Замечательно искусно владел вводными предложениями, которые терпеть не мог А.П.Чехов. Однако я никогда не замечал у Н.Г. свойственной адвокатам привычки любоваться своим красноречием. В его речах всегда было "словам - тесно, мыслям - просторно".

Должно быть, с первой встречи он часто вызывал впечатление, не очень выгодное для себя. Драматург Косоротов жаловался на него:

– Мне с ним хотелось о литературе побеседовать, а он меня угостил лекцией о культуре корнеплодов, потом говорил что-то о спорынье.

А Леонид Андреев на вопрос: как понравился ему Гарин? – ответил:

– Очень милый, умный, интересный, очень! Но – инженер. Это – плохо, Алексеюшка, когда человек – инженер. Я боюсь инженера, опасный человек! И не заметишь, как он приладит тебе какое-нибудь лишнее колёсико, а ты вдруг покатишься по чужим рельсам. Гарин этот очень склонен ставить людей на свои рельсы, да, да! Напористый, толкается...

Николай Георгиевич строил ветку железной дороги от Самары на Сергиевские серные воды, и эта постройка сопряжена была у него со множеством различных анекдотов.

Понадобился ему локомотив какой-то особенной конструкции, и он заявил министерству путей сообщения о необходимости купить локомотив в Германии. Но министр путей или Витте, запретив покупку, предложил заказать локомотив в Сороме или на коломенских заводах. Не помню, путём каких сложных и смелых ухищрений Гарин купил локомотив всё-таки за границей и контрабандно пригнал его в Самару; это, должно быть, сохранило несколько тысяч денег и несколько недель времени, более дорогого, чем деньги.

Но он юношески восторженно хвастался не тем, что сэкономил время и деньги, а именно тем, что исхитрился пригнать контрабандно локомотив.

– Вот это – подвиг! – восклицал он. – Не правда ли?

Казалось, что "подвиг" был вызван не столько силою деловой необходимости, сколько желанием преодолеть поставленное препятствие и даже проще: желанием созорничать. Как во всяком талантливом русском человеке, склонность к озорству была очень заметна в характере Н.Г.

Добр он был тоже по-русски. Деньги разбрасывал так, как будто они его отягощали и он брезговал разноцветными бумажками, на которые люди обменивают силы свои. Первым браком он был женат на богатой женщине, кажется, дочери генерала Черевина, личного друга Александра Третьего. Но её миллионное состояние он в краткий срок истратил на сельскохозяйственные опыты и в 95–96 годах жил личным заработком. Жил широко, угощая знакомых изысканными завтраками и обедами, дорогим вином. Сам ел и пил так мало, что нельзя было понять: чем же питается его неукротимая энергия? Любил делать подарки и вообще любил делать приятное людям, но не для того, чтоб расположить их в свою пользу, нет, этого он легко достигал обаянием своей талантливости и "динамичности". Принимая жизнь как праздник, он бессознательно заботился, чтоб и окружающие его так же принимали её.

Невольным участником одного из анекдотов, походя создававшихся Гариним, оказался и я. Как-то утром, в воскресенье, я сидел в редакции "Самарской газеты", любуясь моим фельетоном, который был вытоптан цензором, как овсяное поле лошадьё. Вошёл сторож, ещё совершенно трезвый, и сказал:

– Вам часы привезли из Сызрани.

В Сызрани я не был, часов не покупал, о чём и заявил сторожу. Он ушёл, пробормотал что-то за дверью и снова явился:

– Еврей говорит: вам часы.

– Позови.

Вошёл старенький еврей в стареньком пальто и невероятной формы шляпе, недоверчиво осмотрел меня и положил на стол предо мною листок отрывного календаря, на листке неразборчивым почерком Гарина было написано: "Пешкову Горькому" и ещё что-то, чего нельзя было понять.

О Гарине-Михайловском. Максим Горький gorkiymaxim.ru

- Это вам дал инженер Гарин?

- А я знаю? Я же не спрашиваю, как зовут покупателя, - сказал старик.

Протянув руку, я предложил ему:

- Покажите часы.

Но он отшатнулся от стола и, глядя на меня, как на пьяного, спросил:

- Может, есть другой Пешков-Горьков - нет?

- Нет. Давайте часы и уходите.

- Ну, хорошо, хорошо, - сказал еврей и, пожав плечами, ушёл, а часов не дал мне. Через минуту сторож и ломовой извозчик внесли большой, но не тяжёлый ящик, поставили его на пол, а старик предложил мне:

- Распишите на записку, что получили.

- Это что такое? - осведомился я, показывая на ящик; еврей равнодушно ответил:

- Вы знаете: часы.

- Стенные?

- Ну да. Десять часов.

- Десять штук часов?

- Пусть будет штук.

Хотя всё это было смешно, но я сердился, потому что и еврейские анекдоты не всегда хороши. Они особенно плохи, когда не понимаешь их или когда приходится самому играть в анекдоте роль глупую. Я спросил старика: что значит всё это?

- Подумайте, кто же едет из Самары в Сызрань покупать часы?

Но еврей тоже почему-то осерчал.

- А какое мне дело думать? - спросил он. - Мне сказали: сделай! И я сделал. "Самарская газета"? Верно. Пешков-Горьков? И это верно. И распишите на записку. Что вы от меня хотите?

Я уже ничего не хотел. А старик, видимо, думал, что его втянули в какую-то тёмную историю, у него дрожали руки, и он ломал пальцами поля своей шляпы. Он так смотрел на меня, что я почувствовал себя виноватым в чём-то пред ним. Отпустив его, я попросил сторожа убрать ящик в корректорскую.

Дней через пять явился Николай Георгиевич, запыленный, усталый, но всё-таки бодрый. И тужурка инженера на нём - как его вторая кожа. Я спросил:

- Это вы прислали мне часы?

- Ах, да! Я, я. А - что?

И, с любопытством глядя на меня, он тоже спросил:

- Что вы думаете делать с ними? Мне они совершенно не нужны.

Затем я услышал следующее: гуляя на закате солнца в Сызрани, по берегу Волги, Николай Георгиевич Гарин-Михайловский увидел мальчика-еврея, который удил рыбу.

- И всё, знаете, батенька, удивительно неудачно. Ерши клюют жадно, но из трёх два срываются. В чём дело? Оказалось, он ловит не на крючок, а на медную булавку.

Разумеется, мальчик оказался красавцем и необыкновенного ума. Человек, далёкий

О Гарине-Михайловском. Максим Горький gorkiyamaxim.ru
от наивности и не очень добродушный, Гарин чрезвычайно часто встречал людей "необыкновенного ума". Видишь то, что сильно хочешь видеть.

- И уже изведавший горечь жизни, - продолжал он рассказывать. - Живёт у деда, часовщика, учится мастерству, ему одиннадцать лет. Он и дед кажется, единственные евреи в городе. Ну и так далее. Пошёл с ним к деду. Магазин скверненький, старик чинит горелки ламп, притирает самоварные краны. Пыль, грязь, нищета. У меня бывают припадки... сентиментальности. Предложить денег? Неловко. Ну, я и купил весь его товар, а мальчишке дал денег. Вчера послал ему книг.

И совершенно серьёзно Н.Г. сказал:

- Если вам эти часы некуда девать, я, пожалуй, пришлю за ними. Можно отдать рабочим на ветке.

Он рассказал всё это, как всегда, торопливо, но несколько смущённо и, говоря, всё как-то отмахивался коротким, резким жестом правой руки.

Иногда он печатал в "Самарской газете" небольшие рассказы. Одни из них - "Гений" - подлинная история еврея Либермана, который самостоятельно додумался до дифференциального исчисления. Именно так: полуграмотный, чахоточный еврей, двенадцать лет оперируя с цифрами, открыл дифференциальное исчисление и когда узнал, что это уже сделано задолго до него, то, поражённый горем, умер от лёгочного кровоизлияния на перроне станции Самара.

Написан был рассказ не очень искусно, но Н.Г. поведал в редакции на словах историю Либермана с поразительным драматизмом. Он вообще рассказывал превосходно и, нередко, лучше, чем писал. Как литератор он работал в условиях совершенно неподходящих, и удивительно, что он мог, при его непоседливости, написать такие вещи, как "Детство Тёмы", "Гимназисты", "Студенты", "Клотильда", "Бабушка".

Когда "Самарская газета" попросила его написать рассказ о математике Либермане, он, после долгих увещаний, сказал, что напишет в вагоне, по дороге куда-то на Урал. Начало рассказа, написанное на телеграфных бланках, привёз в редакцию извозчик с вокзала Самары. Ночью была получена длинейшая телеграмма с поправками к началу, а через день или два ещё телеграмма: "Присланное - не печатать, дам другой вариант". Но другого варианта он не прислал, а конец рассказа прибыл, кажется, из Екатеринбурга.

Писал он так неразборчиво, что рукопись нужно было расшифровывать, а это, конечно, несколько изменяло рассказ. Затем рукопись переписывалась знаками, доступными пониманию наборщиков. Вполне естественно, что, читая рассказ в газете, Н.Г. сказал, сморщив лицо:

- Чорт знает чего я тут наплёл!

Кажется, о рассказе "Бабушка" он сообщил:

- Это написано в одну ночь, на почтовой станции. Какие-то купцы пьянствовали, гоготали, как гуси, а я писал.

Я видел черновики его книг о Маньчжурии и "Корейских сказок"; это была куча разнообразных бумажек, бланки "Отдела службы тяги и движения" какой-то железной дороги, линованные страницы, вырванные из конторской книги, афиша концерта и даже две китайские визитные карточки; всё это исписано полусловами, намеками на буквы.

- Как же вы читаете это?

- Ба! - сказал он. - Очень просто, ведь это мною написано.

И бойко начал читать одну из милых сказок Кореи. Но мне показалось, что читает он не по рукописи, а "по памяти".

Я думаю, что к себе, литератору, он относился недоверчиво и несправедливо. Кто-то похвалил "Детство Тёмы".

О Гарине-Михайловском. Максим Горький gorikiu@mail.ru

- Пустяки, - сказал он, вздохнув. - О детях все хорошо пишут, о них трудно написать плохо.

И, как всегда, тотчас же уклонился в сторону:

- А вот мастерам живописи трудно написать портрет ребёнка, у них дети - куклы. Даже "Инфанта" Ван-Дейка - кукла.

С.С.Гусев, талантливый фельетонист "Слово-Глаголь", попенял ему:

- Грешно, что вы так мало пишете!

- Должно быть, потому, что я больше инженер, чем литератор, - сказал он и невесело усмехнулся. - Инженер я тоже, кажется, не той специальности, мне нужно бы строить не по горизонталям, а по вертикальным линиям. Нужно было взяться за архитектуру.

Но о своей работе путейца он рассказывал прекрасно, с великим жаром, как поэт.

И так же отлично, увлечённо рассказывал темы своих литературных работ. Помню две: на пароходе между Нижним и Казанью он говорил, что хочет писать большой роман на тему легенды о Цин Гиу-тонге, китайском дьяволе, который пожелал делать добро людям; в русской литературе легенду эту использовал старинный романист Рафаил Зотов. Герой Гарина, хороший, очень богатый фабрикант, которому скучно стало жить, тоже захотел делать добро людям. Добродушный мечтатель, он вообразил себя Робертом Оуэном, наделал очень много смешного и, затравленный людьми здравого смысла, умер в настроении Тимона Афинского.

В другой раз, ночью, сидя у меня в Петербурге, он совершенно изумительно рассказал мне случай, который ему хотелось изобразить:

- На трёх страницах, не больше!

Рассказ, насколько я его помню, таков: лесной сторож, человек углублённый в себя, подавленный одинокой жизнью и только чувствующий зверя в человеке, идёт к ночи в свою сторожку. Обогнал бродягу, пошли вместе. Вялая и осторожная беседа людей, взаимно не верящих друг другу. Собирается гроза, в природе напряжение, над землёю мечется ветер, деревья прячутся друг за друга, жуткий шорох. Вдруг сторож почувствовал, что бродягу соблазняет желание убить его. Он старается идти сзади попутчика, но тот, явно не желая этого, шагает рядом. Оба замолчали. И сторож думает: всё равно, что бы он ни делал - бродяга убьёт его, - судьба! Пришли в сторожку, лесник накормил бродягу, поел сам, помолился и лёг, а нож, которым резал хлеб, оставил на столе да ещё перед тем, как лечь, осмотрел ружьё, стоявшее в углу у печки. Разыгралась гроза. Гром в лесу гудит особенно жутко и молнии страшнее. Хлещет ливень, сторожка дрожит, как будто сорвалась с земли и плывёт. Бродяга посмотрел на нож, на ружьё, встал и надел шапку.

- Куда? - спросил лесник.

- Уйду я, ну ты к чорту.

- Зачем?

- Знаю! Убить меня хочешь ты.

Сторож схватил его, говорит:

- Полно, брат! Я ведь думал: ты меня убить хочешь. Не уходи!

- Уйду! Уж коли оба думали об этом, значит: одному не жить.

И ушёл бродяга. А сторож, оставшись один, сел на лавку, заплакал скупыми, мужицкими слезами.

Помолчав, Гарин спросил:

- А может быть, не надо, чтобы плакал? Хотя он говорил мне: заплакал я горько. Я спрашиваю: "О чём?" - "Не знаю, Николай Егорович, - сказал он, горестно стало".

О Гарине-Михайловском. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Может быть, сделать так, чтобы бродяга не уходил, а сказал бы что-нибудь, например: "Вот, братец ты мой, каковы мы люди!" Или просто: легли бы они спать?

Было видно, что эта тема очень волнует его и что он остро чувствует тёмную глубину её. Рассказал он очень тихо, почти шепотом, быстренькими словами; чувствовалось, что он прекрасно видит лесника, бродягу, синий блеск молний в чёрных деревьях, слышит гром, и вой, и шорох. И странно было, что этот изящный человек, с таким тонким лицом и руками женщины, весёлый, энергичный, носит в себе такие тяжёлые темы. Не похоже это на него, общий тон его книг - лёгкий, праздничный. Н.Г.Гарин улыбался людям, видел себя работником, нужным миру, и обладал бодрой, подкупающей самоуверенностью человека, который знает, что он добьётся всего, чего хочет. Встречаясь с ним нередко, хотя всегда "наскоро", ибо он вечно куда-то спешил, я помню его только бодрым, но не помню задумчивым, усталым, озабоченным.

А о литературе он почти всегда говорил нерешительно, стеснённо, пониженным тоном. И когда, спустя много времени, я спросил его:

- Написали о леснике?

Он сказал:

- Нет, это не моя тема. Это - для Чехова, тут нужен его лирический юмор.

Я думаю, что он считал себя марксистом, потому что был инженером. Его привлекала активность учения Маркса, и когда при нём говорили о детерминизме Марксовой философии экономики, - одно время говорить об этом было очень модно, - Гарин яростно спорил против этого, так же яростно, как, впоследствии, спорил против афоризма Э.Бернштейна: "Конечная цель - ничто, движение - всё".

- Это - декадентщина! - кричал он. - На земном шаре нельзя построить бесконечной дороги.

Марксов план реорганизации мира восхищал его своей широтой, будущее он представлял себе как грандиозную коллективную работу, исполняемую всей массой человечества, освобождённого от крепких пут классовой государственности.

Он был по натуре поэт, это чувствовалось каждый раз, когда он говорил о том, что любит, во что верит. Но он был поэтом труда, человеком с определённым уклоном к практике, к делу. Нередко приходилось слышать от него чрезвычайно оригинальные и смелые утверждения. Так, например, он был уверен, что сифилис следует лечить прививкой тифа, и утверждал, что ему известен не один случай, когда сифилитики излечивались, переболев тифом. Он даже написал об этом: именно так излечился один из героев его книги "Студенты". Тут он едва ли не оказался пророком, ибо прогрессивный паралич уже начинают лечить прививкой плазмодия лихорадки и учёные медики всё более часто говорят о возможности "паратерапии".

Любил Гарин говорить о "паразитоводстве", но, кажется, тогда уже был найден и применялся в Соединённых Штатах паразит, убивающий картофельного жука.

Вообще Н.Г. был разносторонне, по-русски даровит и по-русски же разбрасывался во все стороны. Однако всегда было удивительно интересно слушать его речи о предохранении ботвы корнеплодов от вредителей, о способах борьбы с гниением шпал, о баббите, автоматических тормозах, - обо всём он говорил увлекательно.

Савва Мамонтов, строитель Северной дороги, будучи на Капри уже после смерти Н.Г., вспомнил о нём такими словами:

- Талантлив был, во все стороны талантлив! Даже инженерскую тужурку свою талантливо носил.

А Мамонтов хорошо чувствовал талантливых людей, всю жизнь прожил среди них, многих таких, как Фёдор Шалапин, Врубель, Виктор Васнецов, - и не только этих, - поставил на ноги, да и сам был исключительно, завидно даровит.

Возвратясь из Маньчжурии и Кореи, Гарин был приглашён в Аничков дворец к вдовствующей царице, Николай Второй пожелал выслушать его рассказ о путешествии.

О Гарине-Михайловском. Максим Горький gorkiymaxim.ru

- Это провинциалы! - недоуменно пожимая плечами, говорил Гарин после приёма во дворце.

И рассказал о своём визите приблизительно так:

- Не скрою: я шёл к ним очень подтянувшись и даже несколько робея. Личное знакомство с царём ста тридцати миллионов народа - это не совсем обыкновенное знакомство. Невольно думалось: такой человек должен что-то значить, должен импонировать. И вдруг: сидит симпатичный пехотный офицер, курит, мило улыбается, изредка ставит вопросы, но всё не о том, что должно бы интересовать царя, в царствование которого построен действительно великий Сибирский путь и Россия выезжает на берега Тихого океана, где её встречают вовсе не друзья и - не радостно. Может быть, я рассуждаю наивно, царь не должен беседовать о таких вопросах с маленьким человеком? Но тогда - зачем же звать его к себе? А если позвал, то умей отнестись серьёзно и не спрашивай: любят ли нас корейцы? Что ответишь? Я тоже спросил и неудачно: "Вы кого подразумеваете?" Забыл, что меня предупредили: спрашивать я не могу, должен только отвечать. Но ведь как же не спросить, если сам он спрашивает и скупое и глупое, а дамы - молчат? Старая царица удивлённо поднимает то одну, то другую бровь. Молодая, рядом с ней, точно компаньонка, сидит в застывшей позе, глаза каменные, лицо - обиженное. Внешне она напомнила мне одну девицу, которая, прожив до тридцати четырёх лет, обиделась на природу за то, что природа навязала женщине обязанность родить детей. А - ни детей, ни даже простенького романа у девицы не было. И сходство царицы с нею тоже как-то мешало, стесняло меня. В общем было очень скучно.

Он и рассказал всё это очень торопливо и точно досадуя, что приходится рассказывать неинтересное.

Через несколько дней его официально известили, что царь дал ему орден, кажется, Владимира, но ордена он не получил, потому что вскоре был административно выслан из Петербурга за то, что вместе с другими литераторами подписал протест против избития студентов и публики, демонстрировавшей у Казанского собора.

Над ним посмеялись:

- Ускользнул орден-то, Николай Георгиевич?

- Чорт бы их подрал, - возмущался он, - у меня тут серьёзное дело, и вот - надо ехать! Нет, сообразите, как это глупо! Ты нам не нравишься, поэтому не живи и не работай в нашем городе! Но ведь в другом-то городе я останусь таким же, каков есть!

Через несколько минут он говорил уже о необходимости лесонасаждения в Самарской губернии, для того чтоб преградить движение песков с востока.

У него всегда были в голове широкие проекты, и, пожалуй, чаще всего он говорил:

- Надо бороться.

Бороться надобно было с обмелением Волги, популярностью "Биржевых ведомостей" в провинции, с распространением оврагов, вообще - бороться!

- С самодержавием, - подсказал ему рабочий Петров, гапоновец, а Н.Г. весело спросил его:

- Вы недовольны тем, что ваш враг - глуп, хотите поумнее, по сильнее?

Слепой Шелгунов, старый революционер, один из первых рабочих-эсдеков, осведомился:

- Это - кто сказал? Хорошо сказал.

Было это в Куоккале, летом 1905 года. Н.Г. Гарин привёз мне для передачи Л.Б. Красину в кассу партии 15 или 25 тысяч рублей и попал в компанию очень пёструю, скромно говоря. В одной комнате дачи заседали с П.М. Рутенбергом два ещё не разоблачённых провокатора - Евно Азеф и Татаров. В другой - меньшевик Салтыков беседовал с В.Л. Бенуа о передаче транспортной техники "Освобождения" петербургскому комитету и, если не ошибаюсь, при этом присутствовал тоже ещё не

О Гарине-Михайловском. Максим Горький gorkiymaxim.ru
разоблачённый Доброскок – Николай Золотые Очки. В саду гулял мой сосед по даче пианист Осип Габрилович с И.Е.Репиным; Петров, Шелгунов и Гарин сидели на ступеньках террасы. Гарин, как всегда, торопился, поглядывал на часы и вместе с Шелгуновым поучал неверию Петрова, всё ещё веровавшего в Гапона. Потом Гарин пришёл ко мне в комнату, из которой был выход к воротам дачи.

Мимо нас проследовали к поезду массивный, толстогубый, со свинными глазками Азеф, в тёмносинем костюме, дородный, длинноволосый Татаров, похожий на переодетого соборного дьякона, вслед за ними ушли хмурый, сухонький Салтыков, скромный Бенуа. Помню, Рутенберг, подмигнув на своих провокаторов, похвастался мне:

– Наши-то солиднее ваших.

– Сколько у вас бывает народа, – сказал Гарин и вздохнул. – Интересно живёте!

– Вам ли завидовать?

– А – что я? Я вот езжу туда-сюда, как будто кучер дьявола, а жизнь проходит, скоро – шестьдесят лет, а что я сделал?

– "Детство Тёмы", "Гимназисты", "Студенты", "Инженеры" – целая эпопея!

– Вы очень любезны, – усмехнулся он. – Но ведь вы знаете, что все эти книжки можно бы и не писать.

– Очевидно – нельзя было не писать.

– Нет, можно. Да и вообще теперь время не для книжек...

Кажется, впервые я видел его усталым и как бы в некотором унынии, но это потому, что он был нездоров, его лихорадило.

– Вас, батенька, скоро посадят, – вдруг сказал он. – предчувствие. А меня закопают – тоже предчувствие.

Но через несколько минут, за чаем, он снова был самим собой и говорил:

– Счастливейшая страна Россия! Сколько интересной работы в ней, сколько волшебных возможностей, сложнейших задач! Никогда никому не завидовал, но завидую людям будущего, тем, кто будет жить лет через тридцать, сорок после нас. Ну-с, до свидания! Я – пошёл.

Это было последнее наше свидание. Он так и умер "на ходу", участвовал в каком-то заседании по литературным делам, сказал горячую речь, вышел в соседнюю комнату, прилёг на диван, и паралич сердца оборвал жизнь этого талантливого, неистощимо бодрого человека. 1927 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

Впервые напечатано в журнале "Красная новь", 1927, номер 4, апрель, под заглавием "Н.Г.Гарин-Михайловский".

Воспоминания написаны в феврале-марте 1927 года: в письме из Сорренто от 4 февраля 1927 года М.Горький обещал Н.Д.Телешову написать о Н.Г.Гарине и прислать рукопись в марте или в первой половине апреля; позднее, с письмом от 10 марта того же года, М.Горький выслал рукопись Н.Д.Телешову, известив его, что одновременно послал её и в журнал "Красная новь" (Архив А.М.Горького). В очерке М.Горьким допущена неточность. В действительности фамилия еврея, послужившего прототипом для героя рассказа Н.Г.Гарина-Михайловского, была Пастернак.

Начиная с 1927 года, очерк включался во все собрания сочинений.

Печатается по тексту девятнадцатого тома собрания сочинений в издании "Книга", сверенному с рукописью (Архив А.М.Горького).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,

О Гарине–Михайловском. Максим Горький gorkiy.msk.ru
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!